
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-88-92
УДК 821.161

Дата поступления статьи: 23/1/2018
Дата принятия статьи: 22/II/2018

И.А. Алмакаева

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОЗДНЕГО Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
И РОМАН «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» В ОЦЕНКЕ Н.О. ЛОССКОГО
(К ВОПРОСУ О КОНЕЧНОЙ ЦЕЛИ БЫТИЯ)**

© Алмакаева Ирина Александровна – научный сотрудник, учитель высшей категории, руководитель кафедры филологии, Многопрофильный лицей (МБОУ МПЛ), 443506, Российская Федерация, г. Димитровград, ул. Курчатова, 8.

E-mail: sotisisida@yandex.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0003-0069-3487>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме антропологических представлений позднего Ф.М. Достоевского. Усматривается созвучие положений теонормной этики Н.О. Лосского и православной концепции человека в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», ставится вопрос о конечной цели бытия, показывается антиномичность существа человека в стремлении к абсолюту, выраженная в том, что он сам – носитель двух этических полюсов – и зла, и добра, он может стремиться к абсолюту и в то же время ненавидеть его.

Для понимания концепции и образного ряда романа «Братья Карамазовы» особенно важны выводы, которые делает на основе своей этической системы Н.О. Лосский: существо такого демонического порядка в принципе не может существовать, так как даже оно сотворено Создателем, вследствие чего его ненависть к Богу и всему сотворенному должна стать и ненавистью к себе самому как части сотворенного. У сотворенных всех существ конечным идеалом является абсолютная полнота жизни. Борьба против Создателя и зло, вносимое в мир вследствие этого, есть всего лишь следствие гордыни. Вступающий на этот путь оказывается в ловушке противоречий, что ведет к разочарованиям и трагедиям. Неизбежно возвращение на путь добра даже самого главного носителя зла, приходит к заключению философ. В христианской этике такой комплекс идей определен как апокатастасис. Отсюда следует вывод о невозможности конечного воцарения абсолютного зла.

Решение проблемы человека не только в реальном, но и в метафизическом плане определяется через образную систему романа. Выводы писателя конструктивны. На этом пути герои Достоевского достигают определенных, хотя и различных результатов. Возможность победы на этом пути подтверждает пример Святых и Угодников, на которых ссылается Н.О. Лосский.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, Н.О. Лосский, Л.П. Карсавин, православие, христианская антропология, стремление к абсолюту, антиномичность, теонормная этика, онтологический, конечность бытия, роман, образный ряд, пространственно-временной континуум, полнота жизни.

Цитирование. Алмакаева И.А. Антропологическая концепция позднего Ф.М. Достоевского и роман «Братья Карамазовы» в оценке Н.О. Лосского (к вопросу о конечной цели бытия) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 1. С. 88–92. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-88-92>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-1-88-92
UDC 821.161Submitted: 23/I/2018
Accepted: 22/II/2018

I.A. Almakava

**ANTHROPOLOGICAL CONCEPT OF LATE F.M. DOSTOEVSKY
AND THE NOVEL «THE BROTHERS KARAMAZOV» IN THE ESTIMATION OF N.O. LOSSKY
(ON THE ISSUE OF THE ULTIMATE GOAL OF BEING)**

© *Almakava Irina Alexandrovna* – research worker, top-rank teacher, head of the Department of Philology, MBOU MPL (multi-profile lyceum), 8, Kurchatova Street, Dimitrovgrad, 443506, Russian Federation.
E-mail: sotisisida@yandex.ru. ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0069-3487>

ABSTRACT

The article is devoted to the problem of anthropological presentation of late F.M. Dostoevsky. The consonance of provisions of theonomous ethics of N.O. Lossky and the Orthodox conception of man in F.M. Dostoyevsky's novel «The Brothers Karamazov» is traced, the question of ultimate goal of being is posed, the antinomy of the being of man in the striving for the absolute is shown, expressed in that he himself is the carrier of two ethical poles – both evil and good, he can strive for the absolute and at the same time hate it.

For the understanding of the concept and imagery of the novel «The Brothers Karamazov» the conclusions that are made on the basis of this ethical system N.O. Lossky are most important: the creature of such a demonic way in principle can't exist because even it is created by the God the Creator, thereby his hatred to the God and all that is created must become hatred to itself as a part of the created. In all the created beings, the ultimate completeness of life is the ultimate ideal. The struggle against the Creator and the evil brought into the world as a result of this is only a consequence of pride. The one who enters this path is trapped in contradictions, which lead to disappointments and tragedies. Inevitably, the return to the path of good is even the most important carrier of evil, the philosopher concludes. In Christian ethics such complex of ideas is defined as apokatastasis. Hence follows the conclusion about the impossibility of ultimate accession of absolute evil.

The solution of the human problem not only in the real, but also in the metaphysical plan is determined through the figurative system of the novel. The writer's conclusions are constructive. On this path the heroes of Dostoevsky achieve certain, albeit different, results. The possibility of victory along this path is confirmed by the example of the Holy men and Saints, to which N.O. Lossky refers.

Key words: F.M. Dostoevsky, N.O. Lossky, L.P. Karsavin, Orthodoxy, Christian anthropology, striving for the absolute, antinomy, theonomous ethics, ontological, finiteness of being, novel, figurative series, space-time continuum, completeness of life.

Citation. Almakava I.A. Antropologicheskaja kontseptsija pozdnego F.M. Dostoevskogo i roman «Brat'ia Karamazovy» v otsenke N.O. Losskogo (k voprosu o konechnoi tseli bytiia) [Anthropological concept of late F.M. Dostoevsky and the novel «The Brothers Karamazov» in the estimation of N.O. Lossky (on the issue of the ultimate goal of being)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorija, pedagogika, filologija* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 1, pp. 88–92. DOI: <http://dx.doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-1-88-92>.

Лишь в поздний период творчества окончательно складывается представление Ф.М. Достоевского о человеке в онтологическом плане. Образная система его поздних романов, входящих в «пятикнижие», построена на основе антропологических и этических представлений писателя, согласно которым человек – существо антиномичное, дипольное, которое находится в течение жизни в постоянном внутреннем борении и колебании между полюсами добра и зла [Бахтин; Бердяев]. Два полюса присутствуют как в каждом герое Достоевского, так и в системе образов последнего романа писателя «Братья Карамазовы». Это полюса абсолютного добра и абсолютного зла, своего рода бинарная оппозиция. Православный философ Н.О. Лосский, создавая свою этическую систему, не случайно обращается за примерами и доказа-

тельствами к романному творчеству Ф.М. Достоевского [Лосский, 1994]. Существует несомненное созвучие в представлениях о добре и зле этих мыслителей. Христианская православная основа этики Лосского созвучна нравственно-этической проблематике романов Достоевского, которые именно по этой причине послужили эмпирической базой его философских размышлений о сути добра и зла. Тенденция рассмотрения романного творчества Ф.М. Достоевского в свете этики православного христианства, наметившаяся в последние годы [Бурова; Котельников; Соколова; Шакуров], делает особенно ценными выводы и умозаключения Н.О. Лосского. Основные положения его этики помогают на новом уровне рассмотреть образную систему и идейно-художественный замысел романа «Братья Карамазовы». Этические взгляды Лосского изло-

жены в его работе «Условия абсолютного добра: основы этики». Непосредственно о романах Достоевского говорится в главе второй: «Идеал абсолютного совершенства», главе пятой: «Множественность кодексов морали и единство нравственности». Философ понимает этику как науку о категориях добра и зла в их проявлении в конкретной жизни человека. Им поставлен вопрос о конечной цели бытия человека, связанный с вопросом о его сознательном стремлении к тому или иному нравственному полюсу. Этика абсолютного добра возможна только при условии свободного выбора каждым субъектом цели своего жизненного пути как нравственного стремления к абсолютным ценностям, то есть таким, которые имеют характер добра для всех и каждого. Свое этическое учение он называет теонимной (заповеданной Богом) этикой любви и противопоставляет его относительной этике позитивизма, особенно же – натуралистическому эволюционизму Г. Спенсера, основы которого изложены в работе «Основания этики». Последовательная критика философии Спенсера развернута в одном из разделов второй главы работы Лосского «Условия абсолютного добра»: «Критика натуралистического эволюционизма этики Спенсера».

В теонимной этике абсолютные ценности признаны априори реально существующими, следовательно, человек не может не считаться с их наличием, что оказывает регулирующее воздействие на его жизненную позицию и поведенческие реакции. Тот или иной уровень нравственности поведения человека определяется в соответствии с его нравственным и религиозным опытом. Опыт религиозный утверждает факт существования Бога как абсолютной ценности и высшего объекта любви человека. Нравственный опыт, голос совести обуславливают признание абсолютного идеала. Как следствие, человек начинает осознавать свою миссию, ощущать свое высшее предназначение, заключающееся в стремлении к достижению нравственного абсолютного идеала. При этом следует различать стремление к абсолютному и саму возможность его достижения. Для обычного человека, живущего светской жизнью в эмпирическом мире, речь не может идти о его достижении, но для православного верующего возможно к этому в той или иной степени успешно приблизиться. Конечный же смысл подлинно нравственного поведения человека – именно в стремлении к абсолютной полноте бытия в Боге, что определяется в православной этике как «обожение». В Разделе «Бог и обожение твари» Лосский дает определение: «Сверхмировое начало не безлично, а сверхлично. Отсюда следует, что личное бытие доступно ему, однако, если оно принимает форму личного бытия, оно не может быть исчерпано личным бытием» [Лосский, 1991, с. 35].

При наличии абсолютного добра неизбежно должен существовать и полюс абсолютного зла, которое в метафизическом плане понимается как нарушение установленного свыше порядка вещей, разрушение установленной иерархии ценностей бытия. В таком случае обаянный эгоизмом и гордыней человек на первое место в системе ценностей ставит самого себя, любит себя более всего, следствием чего становится отпадение от Бога – высшего абсолютного центра добра. Правильное же соотношение ценностей состоит в том, чтобы более всего любить абсолютное добро, выраженное в образе Бога, затем любить всех людей, как самого себя. Отпадение от абсолютного добра влечет

за собой распад и разделение всех существ и распад мирового бытия. При этом возникают различные формы производного зла. Человек оказывается во власти противоречий, он негармоничен, несчастлив. Не случайно личность вероотступников отмечена душевным несовершенством и страданием. Теонимная этика Лосского ставит вопрос о возможности победы в мире абсолютного зла, которое творится даже не ради блага индивида, что еще может быть понято, а ради самого зла и тем самым не имеет какого-то логического обоснования. Такое зло названо им «сатанинским». Носителем такого зла может быть только существо, ненавидящее Бога и Царствие Божье, а также все, что ведет к Нему. В своей ненависти это существо начинает бороться против Бога и всех желающих ступить на путь Божий. Абсолютное зло имеет свой корень в бесовской гордыне, которая принимает характер вероломного протеста против Создателя и конечную цель – не только сравняться с Ним, но и превзойти в силе и славе. Эта часть философской этики Лосского соответствует основам православного христианства и созвучна концепции последнего романа Ф.М. Достоевского. Антиномичность существа человека выражена в том, что он сам – носитель двух этических полюсов – и зла, и добра, он может стремиться к абсолютному и в то же время ненавидеть его. Для понимания концепции и образного ряда романа «Братья Карамазовы» особенно важны выводы, которые делает на основе своей этической системы Н.О. Лосский: существо такого демонического порядка в принципе не может существовать, так как даже оно сотворено Создателем, вследствие чего его ненависть к Богу и всему сотворенному должна стать и ненавистью к себе самому как части сотворенного. У сотворенных всех существ конечным идеалом является абсолютная полнота жизни. Борьба против Создателя и зло, вносимое в мир вследствие этого, есть всего лишь следствие гордыни. Вступающий на этот путь оказывается в ловушке противоречий: этот путь противоречит конечному идеалу полноты жизни, ведет к неудачам, разочарованиям, все растущему недовольству. Неизбежно возвращение на путь добра даже самого главного носителя зла, приходит к заключению философ. В христианской этике такой комплекс идей определен как апокатастасис. Отсюда следует вывод о невозможности конечного воцарения абсолютного зла. В противовес этому абсолютное добро – Бог и Царствие Божье – существует. Примеры колебаний человека между полюсами добра и зла философ приводит из романов Ф.М. Достоевского «Подросток», «Преступление и наказание», «Бесы», более всего и особенно – романа «Братья Карамазовы», из таких его глав, как «Бунт», «Бесенок», «Легенда о Великом Инквизиторе». Мотивы истязаний детей, зверств турок, торжество изощренной бесовской злобы и гордыни Великого Инквизитора, представленные в романе «Братья Карамазовы», показывают особую важность для Достоевского проблемы зла. Может даже появиться ошибочное ощущение, что он не отрицает абсолютную злобу как высшую разрушительную силу реального мира. Но выводы писателя конструктивны: достижение добра как в духовном мире личности, так и в общественной жизни требует искоренения себялюбия, эгоизма, в первую очередь гордыни. На этом пути герои Достоевского достигают определенных, хотя и различных результатов. О возможности победы на этом пути говорит пример Святых и Угодников, на которых ссылается Лосский.

Хотя победы абсолютного зла Достоевский не показывает, так как она невозможна в принципе, высшее приближение к абсолюту зла, своеобразный «полюс зла» в его поздних романах, и особенно в романе «Братья Карамазовы», присутствует. Искать его следует в особом сгущении эгоизма и гордыни в душах героев романа, что диктует их бунтарское богоборческое поведение. Прежде всего полюс зла связан с образом Федора Павловича Карамазова. Он не только «отец лжи», как иронически себя называет в беседе со старцем Зосимой, но и родоначальник всех, кто входит в состав семейства Карамазовых. Отец един, но дети его очень различны — в этом кроется особый замысел автора романа. От Карамазова рождаются и дети со светом в душе, и дети мрака. Он отец Алексея, ученика святого старца. И он — отец богоотступника Ивана. Он порождает и собственного убийцу — Павла Смердякова. Он, следовательно, сам не может быть носителем каких-либо однородных качеств. Антиномичность его существа — доказательство антиномичности человека в онтологическом смысле как такового. Решение проблемы человека не только в реальном, но и в метафизическом плане определяет образную систему романа. Человек понимается как бессмертная сущность со своей, данной Создателем программой, которая в той или иной мере и степени реализуется им в конкретных условиях его личностного существования в рамках общества и семьи, в конкретном пространственно-временном континууме. Человек в свете антропологии православного христианства обладает способностью к саморазвитию, это подвижная система, подверженная деформациям, прогрессирующему и регрессирующему движению. В соответствии с этим в каждом из героев Достоевского заложена пожизненно действующая программа возможного саморазвития, приближения к полюсу добра, понимаемому как приближение в той или иной степени к «образу и подобию Божьему». Но на это должна быть сознательная и твердая воля человека. Человек как онтологическая сущность антиномичен, в нем действуют как силы созидательные, так и деструктивные. Имея априори данную свободу воли, человек сам решает, каким путем ему идти. Если старец Зосима, его брат Маркел, Алексей Карамазов приблизились в своем саморазвитии к понятию «божье творение», то наиболее близок к полюсу зла с самого начала повествования из всех персонажей Федор Павлович Карамазов. Он, как может показаться по первому впечатлению, которое сам же намеренно создает, сознательно избирает зло. Но парадоксальность его поведения в том, что он, творя зло, все равно не может убить свою душу окончательно и искоренить стремление к добру. Вот почему даже он испытывает смутное чувство любви к Алексею, к его матери, к Грушеньке, даже он хотел бы, чтобы его не осуждали и любили. Русский философ Л.П. Карсавин рассматривает феномен Карамазова в статье с парадоксальным названием «Федор Павлович Карамазов как идеолог любви». Речь идет о безудержном сладострастии, распушенности Карамазова, даже в старости выступающего как идеолог любви-вожделения, которая не знает ограничений и может быть направлена как к матери Алеши с ее возвышенной чистотой, так и к умственно неполноценной карлице Елизавете Смердящей. Но Карсавин доказывает, что в этом выражается не только его безумная распушенность, но и его умение увидеть индивидуальное в каждой женщине, а это свидетельство уме-

ния любить. Автор статьи выстраивает идеологию любви, носителем которой делается Федор Карамазов, развивает философию любви, основанную на ее антиномичной сущности. Как антиномичен сам человек, так двойственны и противоречивы и его чувства. Избавиться же от стремления не только покорять и властвовать, но и принять добровольное рабство безграничной любви никому не дано, это часть программы Создателя, выражение онтологической сущности человеческого существа, каким бы оно ни выступало в своих конкретных эмпирических проявлениях. Так и сладострастник Федор Павлович готов дойти до самозабвенного рабства, если Грушенька согласится его принять: «Буду мужем ее, в супруги удостоюсь, а коли придет любовник, выйду в другую комнату. У ее приятелей буду калоши грязные обчищать, самовар раздувать, на посылках бегать» (Достоевский, с. 438).

Антиномия человеческого существа, таким образом, прослеживается и в старшем Карамазове, казалось бы, стоящем на полюсе абсолютного зла. Ведь чтобы принести это зло, надо найти объект наиболее выигрышный — «чистоту», «святость». А для этого надо видеть и понимать эти качества. Карсавин же утверждает — надо и «любить»: «Он познавал чистоту Алешиной матери, то есть стремился к ней и любил ее: иначе бы и не познавал. Ощущая в себе сияние чистоты, он ощущал несоответствие между нею и темным своим эмпирическим «я» и знал, что она выше его. И попирая ее, он знал, что попирает лучшее и святое, влекущее его к себе и любимое» [Карсавин].

Вот с такой целью — «попирать все лучшее и святое» — он прибывает и в монастырь на встречу со старцем Зосимой. Начиная с первого момента, когда ни он, ни Миусов, не подходят под благословение Зосимы, Федор Павлович ведет себя совершенно в своем духе, по определению автора, как «старый шут». Вопрос заключается в том, присутствует ли в его поведении только стремление к эпатажу или это собственная жизненная программа, приведенная в действие. Свою развращенность старик демонстрирует с момента входа в монастырь. Он намеренно затрагивает темы, казалось бы, самого невинного характера, но придает им грязный подтекст. Его речь строится как тезис и антитезис, что делает понятным двойственность его собственной природы. Так, увидя, что ворота скита заперты, он развивает тезис, что сюда, в святое место, не войдет ни одна женщина. Тут же последует собственный его антитезис: «Только как же я слышал, что старец дам принимает» (Достоевский, с. 50).

Он выводит из терпения Миусова, и тот предсказывает, что «старого шута» выведут отсюда под руки. Но этого не произойдет, как бы намеренно ни старался Карамазов вывести из терпения Зосиму. Святой старец видит его насквозь и, помимо общих рекомендаций («не предаваться пьянству и словесному неводержанию, не предаваться сладострастию, а особенно обожанию денег...»), советует «самому себе не лгать». «Лгуший самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, а стало быть, входит в неуважение и к себе, и к другим. Не уважая же никого, перестает любить, а чтобы, не имея любви, занять себя и развлечь, предается страстям и грубым сладостям и доходит совсем до скотства в пороках своих» [Лосский, с. 50].

В библейском контексте ложь связана с образом дьявола — центра мирового зла. Поэтому совет старца

имеет также подтекстовый смысл: он предупреждает, что Карамазов приближается к опасному состоянию абсолютного зла. Федор Павлович, единственный из посетителей старца Зосимы, не испытывает воздействия благодати, исходящей от святого. Поединок двух «старцев» — «старого шута» и святого — это поединок двух жизненных позиций — греховной жизни сладострастника, весело себе все прощающего, и святой жизни аскета, который тоже остается весел после встречи с этим воплощением зла, так как ясность души и пронизательность его уже нельзя ничем поколебать. Нравственную силу старца Карамазов вынужден признать, хотя благодать его и не коснулась: «Вы думаете, что я всегда так лгу и шутов изображаю?.. Это я все время нарочно, чтобы вас испытывать, так представлялся... Нет, с вами еще можно говорить, можно жить... а теперь молчу, на все время умолкаю...» (Достоевский, с. 52).

Если шутовские выходки и речь Федора Павловича сопоставить с манерой поведения и речами злоежущего ночного посетителя Ивана Карамазова, то обнаруживается несомненное сходство, так что близость с «отцом лжи» и наибольшее приближение Карамазова к полюсу зла становятся очевидны. Но нет и в принципе не может быть ни их идентификации, ни достижения абсолюта зла. К полюсу добра в романе наиболее приближен старец Зосима, который когда-то встал на путь праведности под влиянием своего брата Маркела и полностью прошел этот путь, став после смерти святым. В эпизоде Каны Галилейской старец является своему ученику Алексею в видении уже в мире ином, идеальном [Зеньковский].

Так вопрос о конечной цели бытия человека и путях ее достижения связан с пониманием его антинормальной сущности в незавершенном стремлении к абсолюту, что гениально, по Н.О. Лосскому, показал в своем романе Ф.М. Достоевский.

Источники фактического материала

Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 15 т. Л.: Наука, 1991. Т. 9. 696 с.

Библиографический список

Бахтин М.М. К философским основам гуманитарных наук // Бахтин М.М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. 735 с.

Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского. М.: 2001. Гл. VIII. С. 106–112.

Бурова Ю.В. Библейские и свято-отеческие основания творчества Ф.М. Достоевского как историко-культурного феномена: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2004. 34 с.

Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Л.: ЭГО. 1991. Т. 1. Ч. 2. С. 209–245.

Карсавин Л.П. Федор Павлович Карамазов как идеолог любви [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://svnesterov.blogspot.ru>.

Котельников В. Блудный сын Достоевского: Тип религиозности // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 124–131.

Лосский Н.О. Условия абсолютного добра: основы этики. М.: Политиздат, 1991. 368 с.

Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание // Журн. Моск. патриархии. 1994. № 1.

Соколова Е.А. К вопросу о христианском социализме Ф.М. Достоевского // Альманах современной науки и образования. 2010. № 1. С. 136–138.

Шакуров Д.Л. Психоаналитические аспекты изучения русской литературы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 6. С. 213–215.

References

Bakhtin M.M. *K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk* [On the philosophical foundations of humanitarian sciences]. In: Bakhtin M.M. *Sobr. soch.: v 7 t.* [Collected works: in 7 Vols.]. M.: Russkie slovari, 1996, Vol 5, 735 p. [in Russian].

Berdyayev N.A. *Mirosozertsanie Dostoevskogo* [World outlook of Dostoevsky]. M.: 2001, Chapter VIII, pp. 106–112 [in Russian].

Burova Yu.V. *Bibleiskie i sviato-otecheskie osnovaniia tvorchestva F.M. Dostoevskogo kak istoriko-kul'turnogo fenomena. Avtoreferat diss. na soiskanie uch. stepeni kand. fil. nauk [Tekst]* [Biblical and pious-fatherly foundations of F.M. Dostoyevsky's creativity as a historical and cultural phenomenon. Author's abstract of Candidate's of Philological Sciences thesis]. Saransk, 2004, 34 p. [in Russian].

Zenkovsky V.V. *Istoriia russkoi filosofii: v 2 t.* [History of Russian philosophy: in 2 Vols. [Text]]. L.: «EGO», 1991, Vol. 1, Part 2, pp. 209–245 [in Russian].

Karsavin L.P. *Fedor Pavlovich Karamazov kak ideolog liubvi* [Fedor Pavlovich Karamazov as an ideologist of love]. Available at: <http://svnesterov.blogspot.ru> [in Russian].

Kotelnikov V. *Bludnyi syn Dostoevskogo: Tip religioznosti* [The Prodigal Son of Dostoevsky: Type of religiousness]. *Voprosy filosofii [Tekst]* [Problems of philosophy], 1994, no. 2, pp. 124–131 [in Russian].

Lossky N.O. *Dostoevskii i ego khristianskoe miroponimanie* [Dostoevsky and his Christian world outlook]. *Zhurn. Mosk. patriarkhii* [Journal of Moscow Patriarchy], 1994, no. 1 [in Russian].

Lossky N.O. *Usloviia absolutnogo dobra: osnovy etiki* [Conditions of total good: foundations of ethics]. M.: Politizdat, 1991, 368 p. [in Russian].

Sokolova E.A. *K voprosu o khristianskom sotsializme F.M. Dostoevskogo* [On the issue about Christian socialism of F.M. Dostoevsky]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniia* [Almanac of Modern Science and Education], 2010, no. 1, pp. 136–138 [in Russian].

Shakurov D.L. *Psikhoanaliticheskie aspekty izucheniia russkoi literatury* [Psychoanalytical aspects of study of Russian literature]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of theory and practice], 2012, no. 6, pp. 213–215 [in Russian].